

Усомнившийся Макар — текст 1 из 2

Среди прочих трудящихся масс жили два члена государства: нормальный мужик Макар Ганушкин и более выдающийся товарищ Лев Чумовой, который был наиболее умнейшим на селе и, благодаря уму, руководил движением народа вперед, по прямой линии к общему благу. Зато все население деревни говорило про Льва Чумового, когда он шел где-либо мимо.

Вот наш вождь шагом куда-то пошел, завтра жди какого-нибудь принятия мер... Умная голова, только руки пустые. Голым умом живет...

Макар же, как любой мужик, больше любил промыслы, чем пахоту, и заботился не о хлебе, а о зрелищах, потому что у него была, по заключению товарища Чумового, порожняя голова.

Не взяв разрешения у товарища Чумового, Макар организовал однажды зрелище народную карусель, гонимую кругом себя мощностью ветра. Народ собрался вокруг Макаровой карусели сплошной тучей и ожидал бури, которая могла бы стронуть карусель с места. Но буря что-то опаздывала, народ стоял без делов, а тем временем жеребенок Чумового сбежал в луга и там заблудился в мокрых местах. Если б народ был на покое, то он сразу поймал бы жеребенка Чумового и не позволил бы Чумовому терпеть убыток, но Макар отвлек народ от покоя и тем помог Чумовому потерпеть ущерб.

Чумовой сам не погнался за жеребенком, а подошел к Макару, молча тосковавшему по буре, и сказал:

Ты народ здесь отвлекаешь, а у меня за жеребенком погнаться некому...

Макар очнулся от задумчивости, потому что догадался. Думать он не мог, имея порожнюю голову над умными руками, но зато он мог сразу догадываться.

Не горюй, сказал Макар товарищу Чумовому, я тебе сделаю самоход.

Как? спросил Чумовой, потому что не знал, как своими пустыми руками сделать самоход.

Из обручей и веревок, ответил Макар, не думая, а ощущая тяговую силу и вращение в тех будущих веревках и обручах.

Тогда делай скорее, сказал Чумовой, а то я тебя привлеку к законной ответственности за незаконные зрелища.

Но Макар думал не о штрафе думать он не мог, а вспоминал, где он видел железо, и не вспомнил, потому что вся деревня была сделана из поверхностных материалов: глины, соломы, дерева и пеньки.

Бури не случилось, карусель не шла, и Макар вернулся ко двору.

Дома Макар выпил от тоски воды и почувствовал вяжущий вкус той воды. Должно быть, оттого и железа нету, догадался Макар, что мы его с водой выпиваем.

Ночью Макар полез в сухой, заглохший колодезь и прожил в нем сутки, ища железа под сырым песком. На вторые сутки Макара вытащили мужики под командой Чумового, который боялся, что погибнет гражданин помимо фронта социалистического строительства. Макар был неподъемен у него в руках оказались коричневые глыбы железной руды. Мужики его вытащили и прокляли за тяжесть, а товарищ Чумовой пообещал дополнительно оштрафовать Макара за общественное беспокойство.

Однако Макар ему не внял и через неделю сделал из руды железо в печке, после того как его баба испекла там хлебы. Как он отжигал руду в печке, никому не известно, потому что Макар действовал своими умными руками и безмолвной головой. Еще через день Макар сделал железное колесо, а затем еще одно колесо, но ни одно колесо само не поехало: их нужно было катить руками.

Пришел к Макару Чумовой и спрашивает:

Сделал самоход вместо жеребенка?

Нет, говорит Макар, я догадывался, что они бы должны сами покатиться, а они нет.

Чего же ты обманул меня, стихийная твоя голова! служебно воскликнул Чумовой. Делай тогда жеребенка!

Мяса нет, а то бы я сделал, отказался Макар.

А как же ты железо из глины сделал? вспомнил Чумовой.

Не знаю, ответил Макар, у меня памяти нет.

Чумовой тут обиделся.

Ты что же, открытие народнохозяйственного значения скрываешь, индивид-дьявол! Ты не человек, ты единоличник! Я тебя сейчас кругом оштрафую, чтобы ты знал, как думать! Макар покорился:

А я ж не думаю, товарищ Чумовой. Я человек пустой.

Тогда руки укороти, не делай, чего не сознаешь, упрекнул Макара товарищ Чумовой.

Ежели бы мне, товарищ Чумовой, твою голову, тогда бы я тоже думал, сознался Макар.

Вот именно! подтвердил Чумовой. Но такая голова одна на все село, и ты должен мне подчиниться.

И здесь Чумовой кругом оштрафовал Макара, так что Макару пришлось отправиться на промысел в Москву, чтобы оплатить тот штраф, оставив карусель и хозяйство под рачительным попечением товарища Чумового.

Макар ездил в поездах десять лет тому назад, в девятнадцатом году. Тогда его везли задаром, потому что Макар был сразу похож на батрака, и у него даже документов не спрашивали. Езжай далее, говорила ему, бывало, пролетарская стража, ты нам мил, раз ты гол.

Нынче Макар, так же как и девять лет тому назад, сел в поезд не спросясь, удивившись малолюдью и открытым дверям. Но все-таки Макар сел не в середине вагона, а на сцепках, чтобы смотреть, как действуют колеса на ходу. Колеса начали действовать, и поезд поехал в середину государства в Москву. Поезд ехал быстрее любой полукровки. Степи бежали навстречу поезду и никак не кончались.

Замучают они машину, жалел колеса Макар. Действительно, чего только в мире нет, раз он просторен и пуст.

Руки Макара находились в покое, их свободная умная сила пошла в его порожнюю емкую голову, и он стал думать. Макар сидел на сцепках и думал, что мог. Однако долго Макар не просидел. Подошел стражник без оружия и спросил у него билет. Билета у Макара с собой не было, так как, по его предположению, была советская, твердая власть, которая теперь и вовсе задаром возит всех нуждающихся. Стражник-контролер сказал Макару, чтобы он слезал от греха на первом полустанке, где есть буфет, дабы Макар не умер с голоду на глухом перегоне. Макар увидел, что о нем власть заботится, раз не просто гонит, а предлагает буфет, и поблагодарил начальника поездов.

На полустанке Макар все-таки не слез, хотя поезд остановился сгружать конверты и открытки из почтового вагона. Макар вспомнил одно техническое соображение и остался в поезде, чтобы помогать ему ехать дальше.

Чем вещь тяжелее, сравнительно представлял себе Макар камень и пух, тем оно далее летит, когда его бросишь; так и я на поезде еду лишним кирпичом, чтобы поезд мог домчаться до Москвы.

Не желая обижать поездного стражника, Макар залез в глубину механизма, под вагон, и там лег на отдых, слушая волнующуюся скорость колес. От покоя и зрелища путевого песка Макар глухо заснул и увидел во сне, будто он отрывается от земли и летит по холодному ветру. От этого роскошного чувства он пожалел оставшихся на земле людей.

Сережка, что же ты шейки горячими бросаешь!

Макар проснулся от этих слов и взял себя за шею: цело ли его тело и вся внутренняя жизнь?

Ничего! крикнул издали Сережка. До Москвы недалеко: не сгорит!

Поезд стоял на станции. Мастерские пробовали вагонные оси и тихо ругались. Макар вылез из-под вагона и увидел вдалеке центр всего государства главный город Москву.

Теперь я и пешком дойду! сообразил Макар. Авось поезд домчится и без добавочной тяжести!

И Макар тронулся в направлении башен, церквей и грозных сооружений в город чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь под золотыми головами храмов и вождей.

Сгрузив себя с поезда, Макар пошел на видимую Москву, интересуясь этим центральным городом. Чтобы не сбиться, Макар шагал около рельсов и удивлялся частым станционным платформам. Близ платформы росли сосновые и еловые леса, а в лесах стояли деревянные домики. Деревья росли жидкие, под ними валялись конфетные бумажки, винные бутылки, колбасные шкурки и прочее испорченное добро. Трава под гнетом человека здесь не росла, а деревья тоже больше мучались и мало росли. Макар понимал такую природу неотчетливо:

Не то тут особые негодяи живут, что даже растения от нихдохнут! Ведь это весьма печально: человек живет и рождает близ себя пустыню! Где ж тут наука и техника?

Погладив грудь от сожаления, Макар пошел дальше. На станционной платформе выгружали из вагона пустые молочные бидоны, а с молоком ставили в вагон. Макар остановился от своей мысли:

Опять техники нет! вслух определил Макар такое положение. С молоком посуду везут это правильно: в городе тоже живут дети и молоко ожидают. Но пустые бидоны зачем возить на машине? Ведь только технику зря тратят, а посуда объемистая!

Макар подошел к молочному начальнику, который заведовал бидонами, и посоветовал ему построить отсюда и вплоть до Москвы молочную трубу, чтобы не гонять вагонов с пустой молочной посудой.

Молочный начальник Макара выслушал он уважал людей из масс, однако посоветовал Макару обратиться в Москву: там сидят умнейшие люди, и они заведуют всеми починками.

Макар осерчал:

Так ведь ты же возишь молоко, а не они! Они его только пьют, им лишних расходов техники не видно!

Начальник объяснил:

Мое дело наряжать грузы: я исполнитель, а не выдумщик труб.

Тогда Макар от него отстал и пошел усомнившись вплоть до Москвы.

В Москве было позднее утро. Десятки тысяч людей неслись по улицам, словно крестьяне на уборку урожая.

Чего же они делать будут? стоял и думал Макар в гуще сплошных людей.

Наверно, здесь могучие фабрики стоят, что одевают и обувают весь далекий

деревенский народ!

Макар посмотрел на свои сапоги и сказал бегущим людям спасибо! без них он жил бы разутым и раздетым. Почти у всех людей имелись под мышками кожаные мешки, где, вероятно, лежали сапожные гвозди и дратва.

Только чего ж они бегут, силы тратят? озадачился Макар. Пускай бы лучше дома работали, а харчи можно по дворам гужом развозить!

Но люди бежали, лезли в трамваи до полного сжатия рессор и не жалели своего тела ради пользы труда. Этим Макар вполне удовлетворился. Хорошие люди, думал он, трудно им до своих мастерских дорваться, а охота!

Трамваи Макару понравились, потому что они сами едут и машинист сидит в переднем вагоне очень легко, будто он ничего не везет. Макар тоже влез в вагон без всякого усилия, так как его туда втолкнули задние спешные люди. Вагон пошел плавно, под полом рычала невидимая сила машины, и Макар слушал ее и сочувствовал ей.

Бедная работница! думал Макар о машине. Везет и тужится. Зато полезных людей к одному месту несет, живые ноги бережет!

Женщина трамвайная хозяйка давала людям квитанции, но Макар, чтобы не затруднять хозяйку, отказался от квитанции:

Я так! сказал Макар и прошел мимо.

Хозяйке кричали, чтоб она чего-то дала по требованию, и хозяйка соглашалась. Макар, чтобы проверить, чего здесь дают, тоже сказал:

Хозяйка, дай и мне чего-нибудь по требованию!

Хозяйка дернула веревку, и трамвай скоро окоротился на месте.

Вылазь, тебе по требованию, сказали граждане Макару и вытолкнули его своим напором.

Макар вышел на воздух.

Воздух был столичный: пахло возбужденным газом машин и чугунной пылью трамвайных тормозов.

А где же тут самый центр государства? спросил Макар нечаянного человека. Человек показал рукой и бросил папиросу в уличное помойное ведро. Макар подошел к ведру и тоже плюнул туда, чтобы иметь право всем в городе пользоваться.

Дома стояли настолько грузные и высокие, что Макар пожалел советскую власть: трудно ей держать в целости такую жилищную снасть.

На перекрестке милиционер поднял торцом вверх красную палку, а из левой руки сделал кулак для подводчика, везшего ржаную муку.

Ржаную муку здесь не уважают, заключил в уме Макар, здесь белыми жамками кормятся.

Где здесь есть центр? спросил Макар у милиционера.

Милиционер показал Макару под гору и сообщил:

У Большого театра, в логу.

Макар сошел под гору и очутился среди двух цветочных лужаек. С одного бока площади стояла стена, а с другого дом со столбами. Столбы те держали наверху четверку чугунных лошадей, и можно бы столбы сделать потоньше, потому что четверка была не столь тяжела.

Макар стал искать на площади какую-либо жердь с красным флагом, которая бы означала середину центрального города и центр всего государства, но такой жерди нигде не было, а стоял камень с надписью. Макар оперся на камень, чтобы постоять в самом центре и проникнуться уважением к самому себе и к своему государству. Макар счастливо вздохнул и почувствовал голод. Тогда он пошел к реке и увидел постройку невероятного дома.

Что здесь строят? спросил он у прохожего.

Вечный дом из железа, бетона, стали и светлого стекла! ответил прохожий.

Макар решил туда наведаться, чтобы поработать на постройке и покушать.

В воротах стояла стража. Стражник спросил:

Тебе чего, жлоб?

Мне бы поработать чего-нибудь, а то я отощал, заявил Макар.

Чего ж ты будешь здесь работать, когда ты пришел без всякого талона?

грустно проговорил стражник.

Здесь подошел каменщик и заслушался Макара.

Иди в наш барак к общему котлу, там ребята тебя покормят, помог Макару каменщик. А поступить ты к нам сразу не можешь, ты живешь на воле, а стало быть никто. Тебе надо сначала в союз рабочих записаться, сквозь классовый надзор пройти.

И Макар пошел в барак кушать из котла, чтобы поддержать в себе жизнь для дальнейшей лучшей судьбы.

На постройке того дома в Москве, который назвал встречный человек вечным, Макар ужился. Сначала он наелся черной и питательной каши в рабочем бараке, а потом пошел осматривать строительный труд. Действительно, земля была всюду поражена ямами, народ суетился, машины неизвестного названия забивали сваи в грунт. Бетонная каша самотеком шла по лоткам, и прочие трудовые события тоже происходили на глазах. Видно, что дом строился, хотя неизвестно для кого. Макар и не интересовался, что кому достанется, он интересовался техникой как будущим благом для всех людей. Начальник Макара по родному селу товарищ Лев Чумовой, тот бы, конечно, наоборот, заинтересовался распределением жилой площади в будущем доме, а не чугунной свайной бабкой, но у Макара были только грамотные руки, а голова нет; поэтому он только и думал, как бы чего сделать.

Макар обошел всю постройку и увидел, что работа идет быстро и

благополучно. Однако что-то заунывно томилось в Макаре пока неизвестно что. Он вышел на середину работ и окинул общую картину труда своим взглядом: явно чего-то не доставало на постройке, что-то было утрачено, но что неизвестно. Только в груди у Макара росла какая-то совестливая рабочая тоска. От печали и от того, что сытно покушал, Макар нашел тихое место и там отошел ко сну. Во сне Макар видел озеро, птиц, забытую сельскую рощу, а что нужно, чего не хватает на постройке, того Макар не увидел. Тогда Макар проснулся и вдруг открыл недостаток постройки: рабочие запаковывали бетон в железные каркасы, чтобы получилась стена. Но это же не техника, а черная работа! Чтобы получилась техника, надо бетон подавать наверх трубами, а рабочий будет только держать трубу и не уставать, этим самым не позволяя переходить красной силе ума в чернорабочие руки.

Макар сейчас же пошел искать главную московскую научно-техническую контору. Такая контора помещалась в прочном несгораемом помещении, в одном городском овраге. Макар нашел там одного малого у дверей и сказал ему, что он изобрел строительную кишку. Малый его выслушал и даже расспросил о том, чего Макар сам не знал, а потом отправил Макара на лестницу к главному писцу. Писец этот был ученым инженером, однако он решил почему-то писать на бумаге, не касаясь руками строительного дела. Макар и ему рассказал про кишку.

Дома надо не строить, а отливать, сказал Макар ученому писцу.

Писец прослушал и заключил:

А чем вы докажете, товарищ изобретатель, что ваша кишка дешевле обычной бетонировки?

А тем, что я это ясно чувствую, доказал Макар.

Писец подумал и послал Макара в конец коридора:

Там дают неимущим изобретателям по рублю на харчи и обратный билет по железной дороге.

Макар получил рубль, но отказался от билета, так как он решил жить вперед и безвозвратно.

В другой комнате Макару дали бумагу в профсоюз, дабы он получил там усиленную поддержку как человек из массы и изобретатель кишки. Макар подумал, что в профсоюзе ему сегодня же должны дать денег на устройство кишки, и радостно пошел туда.

Профсоюз помещался еще в более громадном доме, чем техническая контора. Часа два бродил Макар по ущельям того профсоюзного дома в поисках начальника массовых людей, что был написан на бумаге, но начальника не оказалось на служебном месте он где-то заботился о прочих трудящихся. В сумерки начальник пришел, съел яичницу и прочитал бумажку Макара через посредство своей помощницы довольно миловидной и передовой девицы с

большой косой. Девушка та сходилась в кассу и принесла Макару новый рубль, а Макар расписался в получении его как безработный батрак. Бумагу Макару отдали обратно. На ней в числе прочих букв теперь значилось: Товарищ Лопин, помоги члену нашего союза устроить его изобретение кишки по промышленной линии.

Макар остался доволен и на другой день пошел искать промышленную линию, чтобы увидеть на ней товарища Лопина. Ни милиционер, ни прохожие не знали такой линии, и Макар решил ее найти самостоятельно. На улицах висели плакаты и красный сатин с надписью того учреждения, которое и нужно было Макару. На плакатах ясно указывалось, что весь пролетариат должен твердо стоять на линии развития промышленности. Это сразу вразумило Макара: нужно сначала отыскать пролетариат, а под ним будет линия и где-нибудь рядом товарищ Лопин.

Товарищ милиционер, обратился Макар, укажи мне дорогу на пролетариат. Милиционер достал книжку, отыскал там адрес пролетариата и сказал тот адрес благородному Макару.

Макар шел по Москве к пролетариату и удивлялся силе города, бегущей в автобусах, трамваях и на живых ногах толпы.

Много харчей надо, чтобы питать такое телодвижение! рассуждал Макар в своей голове, умевшей думать, когда руки были не заняты.

Озабоченный и загоревавший Макар, наконец, достиг того дома, местоположение которого ему указал постовой. Дом тот оказался ночлежным приютом, где бедный класс в ночное время преклонял свою голову. Раньше, в дореволюционную бытность, бедный класс преклонял свою голову на простую землю, и над той головою шли дожди, светил месяц, брели звезды, дули ветры, а голова та лежала, стыла и спала, потому что она была усталая. Нынче же голова бедного класса отдыхала на подушке под потолком и железным покровом крыши, а ночной ветер природы уже не беспокоил волос на голове бедняка, некогда лежавшего прямо на поверхности земного шара.

Макар увидел несколько новых чистоплотных домов и остался доволен советской властью.

Ничего себе властиска! оценил Макар. Только надо, чтобы она не избаловалась, потому что она наша!

В ночлежном доме была контора, как во всех московских жилых домах. Без конторы, оказывается, сейчас же началось бы всюду светопреставление, а писцы давали всей жизни хотя и медленный, но правильный ход. Макар и писцов уважал.

Пусть живут! решил про них Макар. Они же думают чего-нибудь, раз жалование получают, а раз они от должности думают, то, наверное, станут умными людьми, а их нам и надобно!

Тебе чего? спросил Макара комендант ночлега.

Мне бы нужен был пролетариат, сообщил Макар.

Какой слой? узнавал комендант.

Макар не стал задумываться он знал вперед, что ему нужно.

Нижний, сказал Макар. Он погуще, там людей побольше, там самая масса!

Ага! понял комендант. Тогда тебе надо вечера ждать: кого больше придет, с теми и ночевать пойдешь либо с нищими, либо с сезонниками...

Мне бы с теми, кто самый социализм строит, попросил Макар.

Ага! снова понял комендант. Так тебе нужен, кто новые дома строит?

Макар здесь усомнился.

Так дома же и раньше строили, когда Ленина не было. Какой же тебе социализм в пустом доме?

Комендант тоже задумался, тем более что он сам точно не знал, в каком виде должен представиться социализм будет ли в социализме удивительная радость, и какая?

Дома-то строили раньше, согласился комендант. Только в них тогда жили негодяи, а теперь я тебе талон даю на ночевку в новый дом.

Верно, обрадовался Макар. Значит, ты правильный помощник советской власти.

Макар взял талон и сел на грудку кирпича, оставшегося беспризорным от постройки.

Тоже... рассуждал Макар, лежит кирпич подо мной, а пролетариат тот кирпич делал и мучился: мала советская власть своего имущества не видит!

Досидел Макар на кирпиче до вечера и проследил, поочередно, как солнце угасло, как огни зажглись, как воробьи исчезли с навоза на покой.

Стали, наконец, являться пролетарии: кто с хлебом, кто без него, кто больной, кто уставший, но все миловидные от долгого труда и добрые той добротой, которая происходит от измождения.

Макар подождал, пока пролетариат разлегся на государственных койках и перевел дыхание от дневного строительства. Тогда Макар смело вошел в ночлежную залу и объявил, став посреди пола:

Товарищи работники труда! Вы живете в родном городе Москве, в центральной силе государства, а в нем непорядки и утраты ценностей.

Пролетариат пошевелился на койках.

Митрий! глухо произнес чей-то широкий голос. Двинь его слегка, чтоб он стал нормальным.

Макар не обиделся, потому что перед ним лежал пролетариат, а не враждебная сила.

У вас не все выдумали, говорил Макар. Молочные банки из-под молока на

ценных машинах везут, а они порожние, их выпили. Тут бы трубы достаточно было и поршневого насоса... То же и в строительстве домов и сараев их надо из кишки отливать, а вы их по мелочам строите... Я ту кишку придумал и вам ее даром даю, чтобы социализм и прочее благоустройство наступило скорей... Какую кишку? произнес тот же глухой голос невидимого пролетария.

Свою кишку, подтвердил Макар.

Пролетариат сначала помолчал, а потом чей-то ясный голос прокричал из дальнего угла некие слова, и Макар их услышал, как ветер:

Нам сила не дорога мы и по мелочи дома поставим, нам душа дорога. Раз ты человек, то дело не в домах, а в сердце. Мы здесь все на расчетах работаем, на охране труда живем, на профсоюзах стоим, на клубах увлекаемся, а друг на друга не обращаем внимания друг друга закону поручили... Даешь душу, раз ты изобретатель!

Макар сразу пал духом. Он изобретал всякие вещи, но души не касался, а это оказалось для здешнего народа главным изобретением. Макар лег на государственную койку и затих от сомнения, что всю жизнь занимался непролетарским делом.

Спал Макар недолго, потому что он во сне начал страдать. И страдание его перешло в сновидение: он увидел во сне гору, или возвышенность, и на той горе стоял научный человек. А Макар лежал под той горой, как сонный дурак, и глядел на научного человека, ожидая от него либо слова, либо дела. Но человек тот стоял и молчал, не видя горюющего Макара и думая лишь о целостном масштабе, но не о частном Макаре. Лицо ученойшего человека было освещено заревом дальней массовой жизни, что расстилалась под ним вдалеке, а глаза были страшны и мертвы от нахождения на высоте и слишком далекого взора. Научный молчал, а Макар лежал во сне и тосковал.

Что мне делать в жизни, чтоб я себе и другим был нужен? спросил Макар и затих от ужаса.

Научный человек молчал по-прежнему без ответа, и миллионы живых жизней отражались в его мертвых очах.

Тогда Макар в удивлении пополз на высоту по мертвой каменистой почве. Три раза в него входил страх перед неподвижно-научным, и три раза страх изгонялся любопытством. Если бы Макар был умным человеком, то он не полез бы на ту высоту, но он был отсталым человеком, имея лишь любопытные руки под неощутимой головой. И силой своей любопытной глупости Макар долез до образованнейшего и тронул слегка его толстое, громадное тело. От прикосновения неизвестное тело шевельнулось, как живое, и сразу рухнуло на Макара, потому что оно было мертвое.

Макар проснулся от удара и увидел над собой ночлежного надзирателя, который коснулся его чайником по голове, чтобы Макар проснулся.

Макар сел на койку и увидел рябого пролетария, умывшегося из блюдца без потери капли воды. Макар удивился способу начисто умываться горстью воды и спросил рябого:

Все ушли на работу, чего же ты один стоишь и умываешься?

Рябой промокнул мокрое лицо о подушку, высох и ответил:

Работающих пролетариев много, а думающих мало, я наметил себе думать за всех. Понял ты меня или молчишь от дурасти и угнетенья?

От горя и сомнения, ответил Макар.

Ага, тогда пойдем, стало быть, со мной и будем думать за всех, соображая, высказался рябой.

И Макар поднялся, чтобы идти с рябым человеком, по названию Петр, чтобы найти свое назначение.

Навстречу Макару и Петру шло большое многообразие женщин, одетых в тугую одежду, указывающую, что женщины желали бы быть голыми; также много было мужчин, но они укрывались более свободно для тела. Великие тысячи других женщин и мужчин, жалея свои туловища, ехали в автомобилях и фаэтонах, а также в еле влекущихся трамваях, которые скрежетали от живого веса людей, но терпели. Едущие и пешие стремились вперед, имея научное выражение лиц, чем в корне походили на того великого и мощного человека, которого Макар неприкосновенно созерцал во сне. От наблюдения сплошных научно-грамотных личностей Макару сделалось жутко во внутреннем чувстве. Для помощи он поглядел на Петра: не есть ли и тот лишь научный человек со взглядом вдаль?

Ты небось знаешь все науки и видишь слишком далеко? робко спросил Макар. Петр сосредоточил свое сознание.

Я-то? Я надеюсь существовать вроде Ильича-Ленина: я гляжу и вдаль, и вблизи, и вширку, и вглубь, и вверх.

Да то-то! успокоился Макар. А то я намерен видеть громадного научного человека: так он в одну даль глядит, а около него сажени две будет лежит один отдельный человек и мучается без помощи.

Еще бы! умно произнес Петр. Он на уклоне стоит, ему и кажется, что все вдалеке, а вблизи нет ни дьявола! А другой только под ноги себе глядит как бы на комок не споткнуться и не удариться насмерть и считать себя правым; а массам жить на тихом ходу скучно. Мы, брат, комков почвы не боимся!

У нас народ теперь обутый! подтвердил Макар.

Но Петр держал свое размышление вперед, не отлучаясь ни на что.

Ты видел когда-нибудь коммунистическую партию?

Нет, товарищ Петр, мне ее не показывали! Я в деревне товарища Чумового видел!

Чумовых товарищей и здесь находится полное количество. А я говорю тебе про чистую партию, у которой четкий взор в точную точку. Когда я нахожусь на сходе среди партии, всегда себя дураком чувствую.

Отчего ж так, товарищ Петр? Ты ведь по наружности почти научный.

Потому что у меня ум тело поедает. Мне яства хочется, а партия говорит: вперед заводы построим без железа хлеб растет слабо. Понял ты меня, какой здесь ход в самый раз?!

Понял, ответил Макар.

Кто строит машины и заводы, тех он понимал сразу, словно ученый. Макар с самого рождения наблюдал глино-соломенные деревни и нисколько не верил в их участь без огневых машин.

Вот, сообщил Петр. А ты говоришь: человек тебе намерен не понравился! Он и партии и мне не нравится: его ведь дурак-капитализм произвел, а мы таковых подобных постепенно под уклон спускаем!

Я тоже что-то чувствую, только не знаю что! высказался Макар.

А раз ты не знаешь что, то следуй в жизни под моим руководством; иначе ты с тонкой линии неминуемо треснешься вниз.

Макар отвлекся взором на московский народ и подумал:

Люди здесь сытые, лица у всех чистоплотные, живут они обильно, они бы размножаться должны, а детей незаметно.

Про это Макар сообщил Петру.

Здесь не природа, а культура, объяснил Петр. Здесь люди живут семьями без размножения, тут кушают без производства труда...

А как же? удивился Макар.

А так, сообщил знающий Петр. Иной одну мысль напишет на квитанции, за это его с семейством целых полтора года кормят... А другой и не пишет ничего просто живет для назидания другим.

Ходили Макар и Петр до вечера; осмотрели Москву-реку, улицы, лавки, где продавался трикотаж, и захотели есть.

Пойдем в милицию обедать, сказал Петр.

Макар пошел: он сообразил, что в милиции кормят.

Я буду говорить, а ты молчи и отчасти мучайся, заранее предупредил Макара Петр.

В милиционном отделении сидели грабители, бездомные, люди-звери и неизвестные несчастные. А против всех сидел дежурный надзиратель и принимал народ в живой затылок. Иных он отправлял в арестный дом, иных в больницу, иных устранил прочь обратно.

Когда дошла очередь до Петра и Макара, то Петр сказал:

Товарищ начальник, я вам психа на улице поймал и за руку привел.

Какой же он псих? спрашивал дежурный по отделению. Чего ж он нарушил в общественном месте?

А ничего, открыто сказал Петр. Он ходит и волнуется, а потом возьмет и убьет: суди его тогда. А лучшая борьба с преступностью это предупреждение ее. Вот я и предупредил преступление.

Резон! согласился начальник. Я сейчас его направлю в институт психопатов на общее исследование...

Милиционер написал бумажку и загоревал:

Не с кем вас препроводить все люди в разгоне...

Давай я его сведу, предложил Петр. Я человек нормальный, это он псих.

Вали! обрадовался милиционер и дал Петру бумажку.

В институт душевноболящих Петр и Макар пришли через час. Петр сказал, что он приставлен милицией к опасному дураку и не может его оставить ни на минуту, а дурак ничего не ел и сейчас начнет бушевать.

Идите на кухню, вам там дадут покушать, указала добрая сестра-посиделка.

Он ест много, отказался Петр. Ему надо щей чугуна и каши два чугуна. Пусть принесут сюда, а то он еще харкнет в общий котел.

Сестра служебно распорядилась. Макару принесли тройную порцию вкусной еды, и Петр насытился заодно с Макаром.

В скором времени Макара принял доктор и начал спрашивать у Макара такие обстоятельные мысли, что Макар по невежеству своей жизни отвечал на эти докторские вопросы как сумасшедший. Здесь доктор ощупал Макара и нашел, что в его сердце бурлит лишняя кровь.

Надо его оставить на испытание, заключил про Макара доктор.

И Макар с Петром остались ночевать в душевной больнице. Вечером они пошли в читальную комнату, и Петр начал читать Макару книжки Ленина вслух.

Наши учреждения дерьмо, читал Ленина Петр, а Макар слушал и удивлялся точности ума Ленина. Наши законы дерьмо. Мы умеем предписывать и не умеем исполнять. В наших учреждениях сидят враждебные нам люди, а иные наши товарищи стали сановниками и работают, как дураки...

Другие больные душой тоже заслушались Ленина, они не знали раньше, что Ленин знал все.

Правильно! поддакивали больные душой и рабочие и крестьяне. Побольше надо в наши учреждения рабочих и крестьян, читал дальше рябой Петр. Социализм надо строить руками массового человека, а не чиновничьими бумажками наших учреждений. И я не теряю надежды, что нас за это когда-нибудь поделом повесят...

Видал? спросил Макара Петр. Ленина и то могли замучить учреждения, а мы

ходим и лежим. Вот она тебе, вся революция, написана живьем... Книгу я эту отсюда украду, потому что здесь учреждение, а завтра мы с тобой пойдем в любую контору и скажем, что мы рабочие и крестьяне. Сядем с тобой в учреждение и будем думать для государства.

После чтения Макар и Петр легли спать, чтобы отдохнуть от дневных забот в безумном доме. Тем более что завтра обоим предстояло идти бороться за ленинское и общебедняцкое дело.

Петр знал, куда надо идти, в РКИ, там любят жалобщиков и всяких удрученных. Приоткрыв первую дверь в верхнем коридоре РКИ, они увидели там отсутствие людей. Над второй же дверью висел краткий плакат Кто кого?, и Петр с Макаром вошли туда. В комнате не было никого, кроме тов. Льва Чумового, который сидел и чем-то заведовал, оставив свою деревню на произвол бедняков.

Макар не испугался Чумового и сказал Петру:

Раз говорится кто кого?, то давай мы его...

Нет, отверг опытный Петр, у нас государство, а не лапша. Идем выше.

Выше их приняли, потому что там была тоска по людям и по низовому действительно уму.

Мы классовые члены, сказал Петр высшему начальнику. У нас ум накопился, дай нам власти над гнетущей писчей стервой...

Берите. Она ваша, сказал высший и дал им власть в руки.

С тех пор Макар и Петр сели за столы против Льва Чумового и стали говорить с бедным приходящим народом, решая все дела в уме на базе сочувствия неимущим. Скоро и народ перестал ходить в учреждение Макара и Петра, потому что они думали настолько просто, что и сами бедные могли думать и решать так же, и трудящиеся стали думать сами за себя на квартирах.

Лев Чумовой остался один в учреждении, поскольку его никто письменно не отзывал оттуда. И присутствовал он там до тех пор, пока не была назначена комиссия по делам ликвидации государства. В ней тов. Чумовой проработал сорок четыре года и умер среди забвения и канцелярских дел, в которых был помещен его организационный гос-ум.